

**«У НАС В СУЩНОСТИ ЕЩЕ РЕГУЛЯРНОЙ АРМИИ НЕТ...»
ПИСЬМО КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ
КИЕВСКОЙ ОБЛАСТИ ГЕНЕРАЛА А.М. ДРАГОМИРОВА
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ
НА ЮГЕ РОССИИ ГЕНЕРАЛУ А.И. ДЕНИКИНУ
ОТ 12 (25) ДЕКАБРЯ 1919 Г.**

Андрей Владиславович Ганин —

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт славяноведения
Российской академии наук
Почтовый адрес: Ленинский проспект, 32А,
Москва, 119334, Россия
Электронный адрес: andrey_ganin@mail.ru

Аннотация

Публикуемый документ — письмо командующего войсками Киевской области генерала А.М. Драгомирова главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России генералу А.И. Деникину от 12 (25) декабря 1919 г. — представляет собой ценный исторический источник о событиях Гражданской войны на Украине и о взглядах руководства Белого движения на Юге России на целый ряд вопросов политики и стратегии на Украине. Письмо обнаружено в Гуверовском архиве Стенфордского университета в США в коллекции генерал-лейтенанта П.А. Кусонского. Документ относится к тому периоду, когда белые армии Юга России после ярких успехов летне-осеннего «похода на Москву» 1919 г. оказались остановлены частями Красной армии и были вынуждены отступать под ударами противника. На страницах письма Драгомиров подробно описывает удручающие картины развала белого лагеря на Юге России, рассуждает о том, как исправить ситуацию. Среди причин неудачи белых Драгомиров видел прежде всего отсутствие регулярных войск, слабость офицерского состава, недисциплинированность и, как следствие, грабежи и погромы. В этой связи Драгомирова особенно волновал вопрос нравственного оздоровления армии. Часть письма посвящена вопросам гражданского управления на занятых белыми территориях. Драгомиров предлагает меры как рациональные, так и откровенно утопические. Однако мысли одного из ближайших сотрудников Деникина о происходящем интересны для понимания сути Гражданской войны и мировоззрения руководства антибольшевистского лагеря.

Ключевые слова

А.М. Драгомиров, А.И. Деникин, Украина, Гражданская война, Белое движение.
Статья поступила в редакцию 9 февраля 2019 г.

**“IN FACT, WE DO NOT HAVE A REGULAR ARMY YET...”
A LETTER OF THE COMMANDER
OF KIEV REGION ARMED FORCES GENERAL A.M. DRAGOMIROV
TO THE COMMANDER-IN-CHIEF OF THE ARMED FORCES
OF SOUTH RUSSIA GENERAL A.I. DENIKIN.
12 (25) DECEMBER 1919**

Andrey V. Ganin

Doctor of Sciences,
Lead Researcher,
Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences
Postal address: Leninsky Prospect 32A,
Moscow, 119334, Russia
E-mail: andrey_ganin@mail.ru

Abstract

The document published is a letter from the commander of the Kiev Region General Abram M. Dragomirov to the Commander-in-Chief of the Armed Forces in the South of Russia General Anton I. Denikin of December, 1919. The source covers the events of the Civil War in Ukraine and the views of the leadership of the White Movement in the South of Russia on a number of issues of policy and strategy in Ukraine. The letter was found in the Hoover Archives of Stanford University in the USA in the collection of Lieutenant General Pavel A. Kusonsky. The document refers to the period when the white armies of the South of Russia after the bright success of the summer-autumn “March on Moscow” in 1919 were stopped by the Red Army and were forced to retreat. On the pages of the letter, Dragomirov describes in detail the depressing picture of the collapse of the white camp in the South of Russia and talks about how to improve the situation. Dragomirov saw the reasons for the failure of the White Movement such as, first of all, the lack of regular troops, the weakness of the officers, the lack of discipline and, as a consequence, the looting and pogroms. In this regard, Dragomirov was particularly concerned about the issue of moral improvement of the army. Part of the letter is devoted to the issues of the civil administration in the territories occupied by the White Army. Dragomirov offers both rational and frankly utopian measures. However, the thoughts of one of the closest Denikin’s companions about the reasons what had happened are interesting for understanding the essence of the Civil War and the world-view of the leadership of the anti-Bolshevik Camp.

Keywords

Abram M. Dragomirov, Ukraine, Anton I. Denikin, Civil war, White Movement.

Received 9 February 2019.

Трудно переоценить значимость переписки видных деятелей противоборствующих лагерей Гражданской войны. Вниманию читателей предлагается письмо командующего войсками Киевской области генерала от кавалерии Абрама Михайловича Драгомирова (1868–1955) главнокомандующему Вооруженными силами на Юге России (ВСЮР) генерал-лейтенанту Антону Ивановичу Деникину (1872–1947) от 12 (25) декабря 1919 г. о действиях подчиненных ему войск. Вскоре после написания письма Драгомиров оставил свой пост и перешел в распоряжение Деникина.

Письмо обнаружено нами в Гуверовском архиве Стенфордского университета в США в коллекции генерал-лейтенанта П.А. Кусонского, где отложились разнообразные материалы переписки штаба главнокомандующего ВСЮР и Русской армии. Оно написано на бланке Драгомирова, но содержит многочисленные исправления. Окончание документа с подписью отсутствует, но наличие на письме резолюций, как и нахождение письма в архиве Кусонского (в эмиграции генерал занимал пост помощника начальника штаба Русской армии), дают основания предполагать, что это не черновик, а отправленное Деникину письмо. Как бы то ни было, документ представляет значительный интерес, поскольку в нем один из видных деятелей Белого движения на Юге России размышляет о причинах неудач белых.

Письмо относится к тому периоду, когда белые армии Юга России после ярких успехов летне-осеннего «похода на Москву» 1919 г. оказались остановлены частями Красной армии и были вынуждены отступить под ударами противника. 11 декабря красные взяли Полтаву, на следующий день — Харьков, 16 декабря — Киев.

На страницах письма Драгомиров подробно описывает удручающие картины развала белого лагеря на Юге России, рассуждает о том, как исправить ситуацию. Драгомиров начинает письмо с заверения в сохранении своей веры в конечную победу белых, но сразу переходит к анализу неудач. Он пишет о неподготовленности войск, отсутствии у них отдыха, паникерстве (в том числе офицеров), оправдывается за неудачи перед Деникиным, объясняя свою непопулярность в войсках суровыми наказаниями за грабежи и погромы. Затем долго и витиевато объясняет мотивы написания письма, подчеркивая отсутствие стремления найти виноватого.

Среди причин неудачи белых Драгомиров видел прежде всего отсутствие регулярных войск, слабость офицерского состава, недисциплинированность и, как следствие, грабежи и погромы. По свидетельству Драгомирова, мародерством отличались не только терские казаки и горцы, имевшие соответствующую репутацию, но и регулярные войска. Драгомиров даже предлагал расформировать наиболее разложившиеся части. Прежде всего он обратил внимание на возрожденные в рядах ВСЮР гвардейские формирования, которые Драгомиров предлагал свести в полк, а затем расформировать и его.

Другим предложением Драгомирова стала идея создания офицерских школ при каждой из армий для повышения квалификации младшего офицерства. Школы в тылу одновременно являлись бы и гарнизонами для защиты от восстаний и бандитизма.

Остро стоял вопрос с резервами. Автор письма предлагал на каждые две-три дивизии фронта формировать еще одну в тылу. Драгомиров обратил внимание на необходимость конных частей для борьбы с бандами в тылу. Однако идеи массивирования конницы в целях достижения стратеги-

ческих изменений на фронте, к чему пришли в Советской России, генерал не высказал.

Писал Драгомиров и о жесточайшем кризисе железнодорожного транспорта, в результате чего даже он сам, несмотря на все усилия железнодорожной администрации, едва перемещался на поезде, а нижестоящие командиры передвигались еще медленнее, причем на железной дороге постоянно происходили диверсии. Особое внимание Драгомиров придавал вопросу снабжения пополнений.

На проведение изложенного в жизнь генерал отводил три-четыре месяца, рассчитывая к весне 1920 г. существенно укрепить ряды ВСЮР. Однако эти предложения оказались запоздалыми. В последовавшие месяцы белые потеряли практически все подконтрольные им территории и были загнаны в Крым.

Особенно волновал Драгомирова вопрос нравственного оздоровления армии. По словам генерала, грабежи со стороны войск носили повальный характер, что дискредитировало белых. Драгомиров приводил в пример вопиющий случай, когда командир одного из бронепоездов даже отцепил бронеплощадку с орудием, чтобы вывезти больше награбленного сахара. Население, встречавшее белых как освободителей, отворачивалось от них и теперь уже ожидало возвращения красных. Попытки активного сопротивления грабегам со стороны населения способствовали активизации повстанческого движения в белом тылу. Драгомиров надеялся лишь на то, что красные установят еще худшие порядки, а их войска выйдут из подчинения.

Схожие желания в конце 1919 г. высказывал и полковник А.А. фон Лампе в своем дневнике: «Грабеж идет открытый и не дай Бог, если большевики не будут грабить, — тогда наше дело будет дискредитировано раз и навсегда — это несомненно»¹.

На Востоке России в период неудач белое командование занялось формированием воинских частей по религиозному признаку². На Юге Драгомиров также не придумал ничего лучше, чем обратиться к религиозным чувствам населения с целью создания особого религиозного братства для укрепления армии и искоренения беспорядков. Разумеется, такая идея на фоне общего упадка религиозности в русском обществе являлась утопией и реализована не была. Показательно, что одного из высокопоставленных деятелей разваливающейся денкинской армии в переломный для судьбы фронта период живо волновал вопрос будущей символики предложенного им утопического церковного братства. Увы, таким был уровень мышления не одного Драгомирова, но и других белых руководителей³.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 1. Л. 165.

² Подробнее см.: Карпов Н.Д. Крестоносцы — последний резерв Колчака. М.: Русская панорама, 2014.

³ См., напр., об уровне мышления генерала Н.Н. Стогова: Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М.: Русский путь, 2013. С. 675–677.

Белое командование было вынуждено заниматься и вопросами гражданского управления. Часть письма Драгомирова посвящена этой проблематике. Особенно волновал генерала вопрос о завоевании доверия населения, для чего требовалось щедрое финансирование занимаемых регионов. Однако и здесь утопическая стратегия — предложение не занимать те территории, которые белые не в состоянии прокормить. Этот взгляд Драгомиров развивает в разделе о стратегии белых. По мнению генерала, в настроенных анархически малороссийских губерниях белые в дальнейшем не встретят поддержки, поэтому необходимо активизировать наступательные действия в великорусских поволжских губерниях. Описание обстановки на Украине, содержащееся в письме, достаточно интересно, в том числе в отношении восприятия этой действительности белым генералом.

Несмотря на катастрофу ВСЮР, письмо Драгомирова проникнуто оптимизмом и верой в конечную победу белых. Письмо, по сути, является приговором белым в изложении одного из их руководителей. Это, в том числе, приговор самому Драгомирову. Многословие, неспособность отделить главное от второстепенного, склонность к оторванному от реальности бессмысленному прожектерству демонстрируют низкий уровень мышления одного из видных представителей белого командования. В целом, такого рода документы типичны для русского генералитета эпохи Первой мировой войны. Едва ли в тяжелой боевой обстановке у Деникина было время вникать в пространные 40-страничные рассуждения своего соратника.

Предложения автора документа вряд ли могли привести к успеху. Тем более что и сам генерал продемонстрировал недооценку противника и непонимание обстановки. Драгомиров предлагает меры как рациональные, так и откровенно утопические. Однако мысли одного из ближайших сотрудников Деникина о происходящем интересны для понимания сути Гражданской войны и мировоззрения руководства антибольшевистского лагеря.

Документ публикуется по современным правилам правописания при сохранении стилистических особенностей. Сокращения раскрыты в квадратных скобках.

*Вступительная статья,
публикация и комментарии
А.В. Ганина*

Генерал от кавалерии
А.М. Драгомиров

Декабря месяца 12 дня 1919 г.
Ст. Голта Херс[онской] губ.⁴

Глубокоуважаемый Антон Иванович!

Пользуясь поездкой к Вам ген. Флуга⁵, пишу Вам опять бесконечное письмо о последних событиях. Вполне сознаю, что самые серьезные события происходят не у нас, а на Харьковско-Ростовском направлении и, если бы, не мой никогда не сдающий оптимизм и глубокая вера, что наше святое и правое дело не может быть задушено анархо-разбойничьим режимом большевиков и им присных, — то в сердце могло бы закрасться опасение за конечные результаты нашего общего дела. Но я ныне, как и прежде, твердо убежден, что посланное нам испытание принесет нам только оздоровление от наших недугов, а с ним вместе и новые успехи на пути к нашей заветной цели.

Мне только крайне тяжело сознание, что я со своими войсками не оказываю Вам той помощи, на которую Вы вправе были рассчитывать.

Вместо активных ударов всюду, не считаясь с силами красных, вместо самых дерзких маневров по тылам, мои войска оказались способными только на затыкание дыр и на позорное временами «непротivление злу» и оставление своих позиций даже без сопротивления от одного вида большевиков, идущих в атаку. Наиболее удручающим было то, что сами начальники сознавали, что красных не так уж много, что настроение у них неважное, что они босы, легко одеты, голодны, злы на своих комиссаров, что это, в сущности, «рвань», против которой достаточно одного-двух хороших полков. И тем не менее мы все уходили от этой «рвани» и никакими силами нельзя было вызвать войска не только на смелые, активные решения, но и на самое элементарное упорство.

Те приемы, которыми мне когда-то удавалось обращать панические толпы в героев, бравших мне неприступные, казалось, позиции, теперь оказались неприменимыми. Частей войск никогда не видишь, а если видишь, то крошечную группу 100–150 человек, затерянных на необъятном пространстве позиции.

Поездки на позиции связаны с такою потерей времени, что мне удалось за время моего пребывания в Киеве съездить на позиции, и то лишь на Ирпене, всего два раза. В резерве войск никогда не было. Обучения никакого. Отдыха не было со дня моего приезда, т.е. с 17 сентября⁶.

⁴ Резолюция простым карандашом: Опер. 21/1. Резолюция синим карандашом: Хранить всё письмо.

⁵ Флуг Василий Егорович (1860–1955) — генерал от инфантерии.

⁶ 30 сентября 1919 г. по новому стилю.

Мои самые твердые начальники, вроде Непенина⁷, перестали верить своим войскам и считали их готовыми на всякие неприятные сюрпризы. События 1го октября⁸, когда войска в несколько часов отскочили на 15 верст и бросили Киев, совершенно не пытаясь сопротивляться, показали, что они не совсем были неправы.

После 1го октября нервничание и паничность настроений дошли до степени прямо гнусной. Никакие слова и призывы к благоразумию ни на кого не производили больше впечатления. Малейшая неустойка на фронте — и весь город хватается за чемоданы и узлы и несется к вокзалам или мостам и впереди всех — офицеры со своими семьями. Последнее было самым позорным явлением, против которого были бессильны заставы на вокзалах, полевые суды и проч[ее]. Опасение за жизнь семей доминировало над всеми иными соображениями. Этой болезнью были заражены все полки моей армии, укомплектованные киевскими офицерами.

Несмотря на такую больную и невоинственную атмосферу, я, тем не менее, настойчиво требовал наступления и маневра. Однако, несмотря на настойчивые приказы, ругательные и поощрительные телеграммы и разговоры с начальниками, я так этого и не добился, в чем сознаюсь вполне откровенно. То, что в былые времена приводило к победам, — ныне оставалось в лучшем случае безрезультатным, а в худшем, как было, напр[имер], в последние дни перед падением Киева, приводило к полной неудаче задуманного маневра. Словом, связь нравственная между мною и войсками отсутствовала⁹.

Это вовсе не было ложной скромностью, как мне говорят здесь, когда я в своей телеграмме после эвакуации Киева писал Вам, что я, по-видимому, утратил способность вызывать войска на высокое напряжение, и нужна более молодая энергия, легче приспосабливающаяся к своеобразным условиям Гражданской войны, чем моя.

Эти все события, которые заставили нас потерять плоды наших успехов и трудов за последние 6 месяцев, заставили меня много и болезненно передумать о причинах произошедшей неудачи и о мерах для скорейшего нашего излечения от всех недугов, губящих наше дело. С результатами моих мыслей позвольте Вас познакомить с принесением извинений за многоречивость, может быть, временами за тяжелую для Вас оценку нашего

⁷ Непенин Петр Павлович (1872–1932) — полковник (позднее — генерал-майор), командир бригады 7-й пехотной дивизии.

⁸ 14 октября 1919 г. по новому стилю.

⁹ В числе многих причин к такому расхождению между мною и войсками самую главную роль сыграла моя непримиримость в отношении к грабегам и погромам и беспощадные кары, которые накладывались на виновных. Эти меры вызывали большое раздражение среди офицеров, в особенности когда имели место еврейские погромы: «Из-за каких-то пархатых жидов нас, добровольцев, спасителей России, расстреливают». Вот был ясный [? слово неразборчиво] мотив войсковых настроений (примеч. А.М. Драгомирова на полях документа).

состояния; но перед последним я не останавливаюсь, ибо я все время был Вашим непосредственным сотрудником и потому все прегрешения, которые Вы могли бы принять на свой счет, относятся в равной степени и ко мне самому. К тому же мною руководит, как Вы, конечно, не сомневаетесь, не желание найти виновного, что совершенно лишне, ибо в том трудном и сложном деле, которое выпало на нашу долю, невиновен только тот, кто ничего не делает, а кто трудился изо всех сил, уже за это одно достоин и снисхождения и уважения от его работ. С этим предисловием позвольте приступить к изложению моего диагноза болезни и мер врачевания.

I. У нас в сущности еще регулярной армии нет. Мы располагаем толпами совершенно не обученными, плохо одетыми, скупо вооруженными, живущими на средства населения, а иногда и просто как птицы небесные.

Офицерского корпуса, как корпорации, объединенной единством понятия о чести, авторитете перед подчиненными и проч[им], нет; есть только группа случайно собравшихся офицеров, плохо спаянная, постоянно смотрящая по сторонам в поисках, где лучше... и безопаснее (я говорю про значительное большинство шкурников). Невыплата им жалованья по 2–3 месяца окончательно деморализовывает эту группу, заставляет забывать интересы службы и искать заработка на стороне, не гнушаясь в средствах. Во всех, без исключения, грабежах и вымогательствах денег, в Киеве и окрестностях, участвовали офицеры, и я уже потерял счет, сколько из них было по суду расстреляно и сослано в каторжные работы.

Кроме низкого морального уровня эта группа еще вредна полным отсутствием знания своего ремесла — ни теоретически, ни практически. В боях они не способны быть начальниками даже отделений и взводов. Их нужно проводить еще через очень суровую школу, чтобы дать им право занимать офицерские должности.

Самое же тяжелое обстоятельство в нашей армии, которое губит нам в тылу всё то, что достигается доблестью на фронте — это сплошное грабительское настроение. Я уже не говорю разных партизан типа Волчанского отряда, про осетин, терцев, которые войны без грабежа не понимают и как только встречают препятствия к своим воровским похождениям, то совершенно определенно охлаждаются к борьбе и оказываются «небоеспособными». Но многие регулярные части заражены мародерством до такой степени, что я начинаю серьезно подумывать о полном их раскассировании. Считаю, что кадры у них настолько гнилы, недисциплинированы, заражены грабительскими наклонностями, что создать здоровые, дисциплинированные и боеспособные части они не могут. Лучше это признать теперь же и положить предел жизни этой заразе. Первым кандидатом на такое суровое решение вопроса у меня стоит гвардия, о чем я уже предупредил ген[ерала] Штакельберга¹⁰. Поэтому не удивляйтесь, если получи-

¹⁰ Штакельберг Николай Иванович (1870–1956) — генерал-майор, командир Сводно-гвардейской дивизии.

те от меня представление свести их сначала в один полк, без каких-либо намеков на ячейки 16^{ти} будущих гвард[ейских] полков, а затем и этот полк раскассировать. Криминального материала у меня для сего достаточно, и я только ожидаю конца операции, который даст возможность произвести такое раскассирование без угрозы для положения на фронте.

Лечение указанного в пункте I.

а) Спешно создать всюду, в глубоком тылу, офицерские школы всех родов оружия, для ротных, эскадронных и батарейных командиров, пулеметные, по службе связи, по разведке, авиационные, танковые, подрывные. Курс 2^х месячный — для главной школы и 4^х недельный для остальных.

Школы — по армиям. У нас — в Одессе, Николаеве, Херсоне, Симферополе, Севастополе и т.д. На случаи восстаний, прихода банд и т.д. эти школы будут служить и гарнизонами и получают и боевой опыт. Жизнь в школе — как на войне.

б) Немедленный приступ к формированию в глубоком тылу новых войсковых частей, примерно по расчету одной дивизии на каждые две-три дивизии, находящиеся на фронте. Сначала хотя бы на ½ штатного состава. Самое серьезное обучение в течение 3^х месяцев (январь, февраль и март), дабы к апрелю были готовы для операций. Обязательно дать им обоз по штату, ибо с каждым днем наш железнодорожный транспорт замирает, и я предвижу то время, когда придется все операции вести совершенно без жел[езных] дорог, как ходили наши предки в эпоху Отечественной и Крымской войн (для иллюстрации сообщу Вам, что меня — ком[андующего] войсками — с громадными трудностями и усердием всех жел[езно]дор[ожных] агентов везли из Б[елой] Церкви в Голту (около 400 вер[ст]) пять суток, причем по счастью заметили вовремя мост, взорванный впереди, и только потеряли 4 часа на его исправление; Бредова¹¹, Промтова¹² и Штакельберга везут со скоростью 30–40 вер[ст] в сутки и все их эшелоны прошли через крушения, причем поезд Штакельберга был подорван на мосту в то время, когда через него проходила середина поезда).

Формирование обозов всех наименований — это настоятельная необходимость минуты. Ничто так не раздражает население, как бесцеремонные злоупотребления обывательскими перевозочными средствами, что неизбежно, пока не получим своих обозов.

При решении вопроса о новых формированиях необходимо на серьезных основаниях формирование новых конных частей. Без них борьба с бандами невозможна. Рассеянные в одном месте, они собираются в другом. Главарей и основные ядра захватывают редко, ибо некем их преследовать.

¹¹ Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич (1873–после 1944) — генерал-лейтенант, начальник 7-й пехотной дивизии.

¹² Промтов Михаил Николаевич (1857–1950) — генерал-лейтенант, командир II армейского корпуса.

Эту задачу может выполнять только конница, и как бы ни трудно было ее формирование, как бы дорого оно ни стоило — оно необходимо и без него обойтись будет невозможно. Начинать нужно немедленно, и мой нынешний район для этого достаточно благоприятен.

Сформированные таким образом вдали от фронта новые части, если будут хорошо снабжены и получают правильное довольствие от интендантства, а отнюдь не «собственным попечением», — через 3–4 месяца могут дать порядочную боевую силу, сносно обученную, и с офицерами, прошедшими через школы, о которых я уже говорил выше. Остается один весьма серьезный вопрос, который, по-моему, пора выдвигать на первый план. Это вопрос нравственного оздоровления армии.

Первое время существования армии она неизбежно должна была жить на местные средства, без возмещения стоимости взятого у населения. К этому, совершенно естественному при тогдашних условиях явлению, примешалось грабительство уже в чистом виде, т.е. не столько для удовлетворения насущных нужд армии, без коих она не может существовать, сколько для самого бесцеремонного обогащения. Шкуро¹³, Покровский¹⁴, Мамонтов¹⁵ и многие другие на этом, главным образом, и играли. Весь боевой порыв частей, которыми они командовали, всегда был построен только на поощрении наживы.

До поры, до времени этот импульс давал им заслуженные лавры и вносил пользу и в общий ход военных операций. Но теперь наступил такой период нашей борьбы с большевиками, когда та страсть к наживе, которую разнуздали в войсках командиры, поощрявшие грабежи и насилия, обратилась против нас же самих. Грабежи приобрели повальный характер. Заразили собою даже лучших офицеров и солдат. Грань между дозволенным и недозволенным стерлась окончательно. Начальники, разнуздав эту стихию, сами оказались не в состоянии с нею справиться. Офицеры стали бояться своих солдат, а последние с каждым днем наглеют всё больше и больше. Части, вроде Терской пластунской бригады и Гвардейской дивизии, находятся совершенно в руках своих солдат и [командиры] не в состоянии им что-либо запретить. Такое положение привело к ужасному результату: население, встретив Добр[овольческую] армию как избавительницу от большевиков, через самое короткое время начинало ненавидеть своих избавителей и жаждать вторичного прихода большевиков. Тот бандитизм, который развился у нас, в нашем ближайшем тылу, в районе расположения наших резервов и обозов, был исключительно вызван бесчинствами и грабежами

¹³ Шкуро Андрей Григорьевич (1886–1947) — генерал-лейтенант, командир III Кубанского конного корпуса.

¹⁴ Покровский Виктор Леонидович (1889–1922) — генерал-лейтенант, командир I Кубанского корпуса.

¹⁵ Мамонтов (Мамантов) Константин Константинович (1869–1920) — генерал-лейтенант, командир IV конного корпуса.

войск. Деревни выделяли повстанцев для защиты себя от «реквизиции» и «дани», которую отбирали самовольно войска. Никакая власть не могла скоро справиться с этим злом и ничто так не дискредитировало авторитет власти, как сознание, что мы ничем помочь не можем и лишь «в будущем» можем обещать населению прекращение этого зла. Хотя и «будущее» это еще довольно проблематично, ибо пока это зло не только не убывает, несмотря на ежедневные казни, отрешения от должностей и проч[ее], но продолжает усиливаться. Наш теперешний отход от Киева и постепенное очищение Киевской губернии при почти полном отсутствии денег невольно обращаются в сплошной грабеж и насилия. Население этого района надолго сохранит в памяти наше пребывание, и я не знаю, что нам придется им говорить и обещать, если скоро будем вновь освобождать их от большевиков. Единственная надежда еще на то, что последние будут во много раз хуже нас. Это единственное наше спасение, если у них войска вырвутся из их рук так же, как вырываются наши.

Одними мерами репрессий, даже самых суровых, скоро помочь делу нельзя. Могут пройти года, пока удастся водворить настоящую дисциплину и порядок. Нужны какие-то меры чисто нравственного порядка, которые повели бы борьбу с этим злом внутри самих частей, в то время пока начальство разных рангов будет вести борьбу внешними средствами при помощи полевых судов, раскассирований частей и т[ому] п[одобных] мер.

Мне представляется, что назрела минута применить религиозные приемы оздоровления путем учреждения особого братства, члены которого давали бы обет полного воздержания от всего, что порочит воинское звание и святое дело Доб[ровольческой] армии, а с другой стороны вели бы беспощадную борьбу против своих сослуживцев, не желающих сознать всю преступность их поведения, подрывающего дисциплину в армии и ее репутацию.

Эта мысль не новая. Высказывалась много раз. Я лично всегда считал, что без сильного религиозного подъема и подвига нравств[енного] очищения наша революция еще долго будет тлеть без возможности найти выход из создавшегося тупика.

Считаю, что теперь наступило время приступить к осуществлению этой идеи на практике. У Вас сидят теперь два митрополита — Платон¹⁶ и Антоний¹⁷, есть церковный совет¹⁸. Не предложите ли Вы им заняться этим делом и выпустить соотв[етствующее] воззвание о записи в число членов «братства воинства Христова», или под другим названием с приложением

¹⁶ Платон (Порфирий Федорович Рождественский) (1866–1934) — митрополит Херсонский и Одесский.

¹⁷ Антоний (Алексей Павлович Храповицкий) (1863–1936) — митрополит Киевский и Галицкий.

¹⁸ Видимо, речь о Временном высшем церковном управлении, созданном на Юге России в 1919 г.

устава братства с его правами и обязанностями, внешними отличиями (напр[имер], восьмиконечный крест на груди или на рукаве) и т.д. Затем тем же лицам надо предложить обставить части войск, пожелавшие войти в состав братства, надлежащим числом духовных лиц (не менее одного священника на баталион), соотв[етствующей] церковной утварью, духовными книгами и т.п. Особое внимание обратить на проповедь идей этого братства в тылу, в запасных баталионах, среди тыловых частей и учреждений, в особенности среди тех новых частей, которые я считаю необходимым формировать в глубоком тылу для создания резервов для весенней кампании.

Одновременно должна вестись и беспощадная борьба внешними мерами воздействия, которые принимаются и ныне, но в будущем должны быть усилены созданием при всех дивизиях и отдельных отрядах особых органов, которые я назвал бы «представитель ком[андующего] армией (или еще лучше главнокомандующего) при № части» с громадными правами творить на месте суд и расправу именем ком[андующего] ар[мией] с постоянным при нем полевым судом и проч[им].

Только энергичной работой в обоих этих направлениях можно рассчитывать освободить нашу армию от разъедающей ее язвы грабительства.

Чтобы закончить с этим злом, укажу лишь на общее мнение, что чем больше часть имеет награбленного имущества, тем менее она стойка в оборонительных боях. Все интересы ее направлены на сохранение награбленного и на своевременную отсылку его в тыл для сбережения про черный день. Это была главная причина абсолютного нежелания терцев драться и рисковать своей шкурой.

Та же причина делала совершенно небоеспособными некоторые бронепоезда: был случай, когда один из них предпочел отцепить бронеплощадку с орудием, лишь бы вывезти побольше награбленного сахара. Этот случай скоро станет на полевой суд.

Правда, что необходимо упорядочить и денежный вопрос, с которого, соответственно и начались все грабежи. Но об этом — потом!

Вот этими мерами я полагаю что только и возможно излечить болезнь, указанную под № 1. Если принять все указанные меры немедленно, то за несколько месяцев можно создать свежие резервы в тылу и немного оздоровить армию на фронте.

II. Следующий наш недуг, который проникает всё и вся, это полное несоответствие наших финансовых ресурсов с теми громадными задачами, которые немедленно ложатся на наши плечи с освобождением территорий от большевиков.

Вы меня недавно попрекнули неумением «по одежке протягивать ножки». Но должен сказать, что «одежка», присланная киевскому краю, оказалась не больше фигового листа и была недостаточна даже для прикрытия срамных частей тела. За всё мое пребывание в Киеве, или вернее со дня его занятия Доб[ровольческой] армией в половине августа, край получил

$80+50+150+100+80^{19} = 460$ миллионов на 3 ½ месяца, т.е. по 130 миллионов в месяц. Это было меньше, чем капля в море. Этими деньгами не было никакой возможности даже покрыть старую задолженность армии, а о железных дорогах и говорить нечего. Наша собственная экспедиция дошла за последние дни своего существования до 10 миллионов в день²⁰, но таких дней бывало немного. Всего же со времени начала ее действия она выпустила 170 миллионов, которые расходились немедленно в день выпуска, причем 130 человек служащих Госуд[арственного] Банка не успевали резать, сортировать и считать для запаковки в пачки. Положение создавалось совершенно безвыходное. Части войск, сидя без денег, — грабили. Офицерские роты в Киеве ходили на разгрузку барж, чтобы раздобыть денег на пропитание. Госуд[арственная] стража — просто уходила в поисках заработка. Чиновный люд буквально голодал. В больницах, детских приютах, в домах инвалидов и проч[ем] — мерзли и голодали в ужасной обстановке. Все налаженные мастерские, обшивавшие армию и работавшие на оборону, — ежедневно сокращали производство и, в конце концов, свели его на нет.

Жизнь совершенно начала замирать именно тогда, когда она должна была кипеть ключом. Начались невольные сравнения с большевиками — у них деньгами сыпали без всякого стеснения. То же было и у петлюровцев, которые свои учреждения обставляли с большой роскошью.

На простой народ и бедный чиновный люд ничто не производило такого угнетающего и отрицательного для Д[обровольческой] армии впечатления, как эта постоянная нужда в деньгах на самые неотложные нужды.

Это было до такой степени невыгодным для престижа Доб[ровольческой] армии, что у меня создалась аксиома для нашего поведения на будущее время — «занимать и брать под свое управление только такую территорию, которую мы имеем возможность хорошо финансировать».

Словом — стратегия в зависимости от наличности у нас денежных средств.

Совершенно ясно, что по нашему теперешнему финансовому положению мы не имеем никакой возможности ввести сколько-нибудь сносное управление в таком крае как Юго-Западный, требующий громадных средств и на армию, и на жел[езные] дороги, и на администрацию, и на субсидию городам, земствам, школам, заводам, рабочим предприятиям и профессиональным их учреждениям и проч[ему] и проч[ему].

Как ни кажется, на первый взгляд, дикой подобная стратегия и как ни трудно ее осуществление на практике, когда с откатной волной большевистского фронта к нам вдруг переходит громадная территория, — тем не

¹⁹ Не дошли, были перехвачены кем-то по пути (*примеч. А.М. Драгомирова внизу страницы*).

²⁰ Речь идет о печатании денег.

менее, пока наши экспедиции²¹ нас не удовлетворяют, она необходима, и сама сила вещей нас к этому вынудит.

Каково же должно быть лечение болезни, указанной в пункте II? Прежде всего, проф[ессору] Бернацкому²² на время забыть свои теории о том, что неумеренный выпуск денежных знаков понижает их рыночную стоимость. Безотносительно к одному какому-либо частному случаю, как общий принцип, — это, конечно, верно. Против невозможно спорить. Но в том частном случае, который мы разбираем, дело не в нас и нашей финансовой системе, а в большевиках. Они выпускают такие массы денег, по сравнению с которыми наши выпуски — микроскопическая величина. Не мы пожираем курс рубля, а они. Даже если бы мы совсем прекратили наши выпуски, то рубль всё же продолжал бы стремительно лететь вниз. Нашей же скарденостью в этом отношении мы действительно роняем курс наших собственных знаков и по весьма простой причине. Мы денег не платим и даем либо ассигновки, либо чеки на банки, либо квитанции реквизиционные и иные. По ним ни один банк не платит, ибо касса его хронически пустует.

Тогда перечисленные выше денежные документы невольно идут на частный рынок, т.е. к ростовщикам и им подобным дельцам, которые их учитывают со скидкой громадного процента. В итоге наше обязательство, которое мы должны бы были всячески оберегать от обесценивания, поддерживать и укреплять, мы же сами систематически обесцениваем. Бернацкому это должно бы было быть известным. Такое обесценение идет несравненно быстрее, чем шло бы естественное падение рубля вследствие усиления выпуска. Последнего население не чувствует; но первое составляет такое очевидное для всех событие, которое становится убедительным для самого тупоумного обывателя.

Есть еще одна сторона дела, на которую, судя по его беседам в газетах, Бернацкий не обращает должного внимания. Это на крайнюю необходимость оживления жизни края, торговой и промышленной, которая одна может, если не исправить, то, по крайней мере, хоть несколько облегчить финансовое положение. Это может быть достигнуто только быстрым и обильным финансированием железных дорог, пароходных обществ, банков, наконец, тех промышленных предприятий, для которых нет непреодолимых причин против немедленного пуска их в ход.

Здесь разрешается попутно еще и чрезвычайно серьезный и больной вопрос о безработных, с которым нам придется еще очень и очень много поговорить, пока мы не заслужим полного доверия к себе рабочих.

Я считаю, что для такого оживления жизни мы не имеем права жалеть средств, ибо в сущности это единственное, что в конце концов расположит к нам население: появятся товары, явится возможность свободно передви-

²¹ Заготовления денежных знаков.

²² Бернацкий Михаил Владимирович (1876–1943) — российский экономист, член Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР, начальник управления финансов.

гаться, цены падут в силу усиления предложения, наконец, даже самые упорно-нежелающие видеть рабочие узрят, что власть Д[обровольческой] армии способна восстанавливать там, где большевики только разрушали.

Отсюда вывод — сыпать деньгами, не останавливаясь ни перед чем; необходимо затратить немедленно сотни миллионов на заказы за границей денег, бумаги, красок, машин и проч[его], чтобы на это получить в самом скором будущем десятки миллиардов. Большевики печатают в 3 дня миллиард!!!

Чтобы кончить с этим вопросом, я считал бы необходимым произвести расследование — что случилось с моим лондонским заказом. Контракт подписывал Шателен²³. Условия были: со дня моего утверждения заказа и образцов, т.е., если не ошибаюсь, с 5 августа нового стиля, через 3 месяца должен начаться выпуск, а еще через три месяца [должен] закончиться весь заказ. Образцы были мною утверждены окончательно с правом фирме Waterloo самой сделать небольшие изменения в красках, в рисунке и т.п., если бы это потребовалось в технических видах.

Значит, 5 ноября нового стиля (т.е. 23 сентяб[ря] старого ст[иля]) к нам должны были начать поступать эти деньги, а к 23 января 1920 г. весь 4^х миллиардный заказ должен был быть сдан в Лондоне.

Бриггс²⁴ говорил мне в Киеве, что Waterloo обещал ему почти наверное²⁵ сдать заказ раньше. Между тем знаков этих до сих пор еще нет и когда ожидаются — не знаю. Я начинаю подозревать гнусную игру г^{на} Шателена, который накануне моего отъезда из Парижа сильно добивался, чтобы я своею властью утвердил его главным финансово-торговым представителем для всей Западной Европы. Я уклонился и обещал только доложить Особому совещанию²⁶ все его соображения в подтверждение необходимости такой меры. Доклада этого я не делал, ибо сдал должность председателя Лукомскому²⁷ и уехал в Киев. Посему у меня невольно возникает мысль, не чинит ли Шателен каких-либо препятствий в исполнении этого заказа умышленно.

Его поведение и тогда не во всем было ясно и доброжелательно к нам. Таково же было отношение и фон Замена²⁸, сидящего тоже в Лондоне.

²³ Шателен Сергей Андреевич (1873–1946) — российский финансист и банкир. У Драгомирова фамилия пишется как «Шаттелен».

²⁴ Бриггс Чарльз Джеймс (1865–1941) — британский генерал, глава военной миссии при ВСЮР (1919).

²⁵ В старом значении — наверняка.

²⁶ Особое совещание при главнокомандующем ВСЮР — законосовещательный и распорядительный орган Белого движения на Юге России.

²⁷ Лукомский Александр Сергеевич (1868–1939) — генерал-лейтенант, председатель Особого совещания.

²⁸ фон Замен Конрад Егорович (1874–1959) — русский финансист. В эмиграции — в Лондоне.

Они оба «колчакисты»²⁹ и Вас признавали не без насилия над собою. Не продолжают ли они ту же игру и теперь, имея в своей власти столь жгучий для нас вопрос, как снабжение деньгами.

По поводу английских денег у меня имеется частное сведение, что будто бы Бернацкий на них рассчитывает не как на фонд для текущих расходов, а как на запас для какой-то финансовой меры для уменьшения разнообразия денежных знаков, обращающихся на нашей территории.

Если это так, то я не нахожу слов, чтобы высказать свое самое резкое возмущение такой мере.

Мы буквально задыхаемся без денег. Я не могу бороться сейчас с грабежами и вымогательствами, зная, что они — результат полной нищеты многих офицеров, даже генералов, не говоря уже о массе чиновников. И в ту минуту, когда к нам может прийти помощь, то вдруг оказывается, что она пошла на выкуп знаков всеми признанных и имеющих повсеместное признание. Это было бы до такой степени нелепо и, даже скажу, преступно перед нашим делом, что не хочу верить возможности ныне заниматься финансовыми комбинациями, когда нам есть нечего. Это дело будущего и, надеюсь, отдаленного. А теперь нам нужны войска, оружие, снаряжение, хлеб, хорошо оплаченная администрация, банковый кредит и проч[ее]³⁰.

Здесь нельзя терять ни одного месяца и все 4 миллиарда должны прямо с корабля идти в банки и казначейства, минуя управление финансов. Вслед за ними нужно немедленно сделать новый заказ на 10 миллиардов, с присылкой [банк]нот ежемесячно по мере изготовления.

Только тогда можно начать занимать новые территории и посылать администрацию на места с крупными авансовыми ассигнованиями в полное распоряжение главноначальствующих и губернаторов — по принадлежности.

III. Третье основание нашей болезни характера стратегического. Будучи председателем Особого совещания, я никогда этих вопросов не касался и лишь изредка принимал участие в обсуждении некоторых частных вопросов, как напр[имер], необходимость занятия нами Донецкого бассейна после ухода из него немцев. Не помню, развивал ли я Вам свою мысль, что занятие нами всей Украины, не познавшей еще прелестей большевизма, для нас чревато самыми тяжелыми последствиями. У меня всегда стоял в голове план: обеспечив за собою прочное обладание Каменноугольным районом и необходимыми для ремонта жел[езных] дорог заводами харьковского и екатеринославского районов, дальше на запад не двигаться. Отнюдь

²⁹ То есть сторонники А.В. Колчака, которому добровольно подчинился А.И. Деникин. Колчак Александр Васильевич (1873–1920) — адмирал, Верховный правитель России.

³⁰ Не могу не добавить, что если бы подобная финансовая комбинация была проведена, то она способна была бы вызвать необычайное возбуждение в армии, которая знает об моем заказе и с нетерпением его ожидает, в надежде найти в нем выход из положения, совершенно нетерпимого (*примеч. А.М. Драгомирова на полях документа*).

не переходить на правый берег Днепра и не гнаться за губерниями Киевской, Подольской и Волынской, настроенными еще совершенно анархично.

Зато центр тяжести всех операций перенести к нашему правому флангу; во что бы то ни стало овладеть низовьями Волги и дальше вести всю операцию в направлении на Саратовскую, Самарскую, Тамбовскую, Воронежскую губернию в полном взаимодействии с уральцами и оренбургцами.

Этот план намечался, когда Колчак еще не отходил так глубоко, как теперь. Для меня было несомненным, что насколько в Малороссии мы получим население нам не сочувствующее, никому не верящее, упорное и настойчивое в сохранении каких-то «вільностей», настолько в перечисленных выше поволжских губерниях мы получили население, готовое идти хоть к черту на рога, лишь бы выскочить из большевистского рая.

Когда я уезжал в Париж, то только еще намечалась возможность подхода к Харькову, а о движении на Полтаву и Киев не было и в мыслях.

Однако события опередили расчеты, и Киев, на наше несчастье, оказался в наших руках. Всё то, чего я опасался раньше, оправдалось в полной мере.

Мы владели только городами, но уже в ближайших окрестностях наши власть, престиж и влияние были мифом. Деревни Жуляны, Гатное, Глеваха, Рославичи (не дальше 15–30 вер[ст] от Киева) были в руках повстанцев и требовали постоянной посылки для усмирения вооруженной силы. Нападали на наши обозы, убивали стражников³¹; на Васильков сделали нападение по всем правилам военного искусства³², ограбили казначейство, выгнали стражу, разобрали кожу с кожевенных заводов и проч[ее]. Войск выделить невозможно, ибо фронт и так трещит по всем швам, а стража была слишком малочисленна, чтобы своими силами что-либо сделать! Репрессии по отношению к имуществу повстанцев, сжигание их домов, аресты семей приводили только к большему озлоблению.

Ко времени боев 23–29 ноября³³ буквально вся область кишела такими бандами и редкие бои не происходили одновременно на два фронта: в одну сторону против большевиков и в другую против повстанцев. Был случай, когда целая рота Белозерского полка была вырезана в дер[евне] Пуховка большевиками вместе с повстанцами. Были, правда, единичные случаи, когда повстанцы дрались против большевиков. Так, напр[имер], они отстаивали Переяславль, когда наши войска его оставили.

³¹ Стражники — личный состав государственной стражи (1919–1920 гг.) — военизированного органа гражданского управления на территории ВСЮР, выполнявшего функции полиции.

³² По-видимому, речь идет о событиях 5 сентября 1919 г., когда на город Васильков Киевской губернии напали банды Соколовского, в результате чего погибло 35 человек (Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918–1922 гг.: Сборник документов / отв. ред. Л.Б. Милякова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 371–372, 379).

³³ 6–12 декабря 1919 г. по новому стилю.

Повстанцы были трех категорий:

1^я — чистые анархисты; никакого начальства; «сам собі пан»!

2^я — коммунисты-«боротьбисты», т.е. те же большевики, но, пожалуй, еще свирепее.

3^я — ненавистники Добр[овольческой] армии, мстившие за грабежи, насилия и бесчинства. Эти были и против нас и в то же время боялись большевиков и не желали их прихода.

К концу ноября создалось положение, в котором наши части напоминали островки среди моря кишачих банд.

К ним скоро прибавились колонны остатков петлюровской рати, существовавшие из Староконстантинова через Липовец и далее через всю Киевскую губернию, вразрез по нашим тылам. Эта группа пока еще особых бед нам не причиняла и по-видимому понемногу распыляется, избегая встреч с нашими войсками.

Это положение и заставило меня принять решение, прежде всего, спасти войска от полного уничтожения и отвести их в район более спокойный, одновременно выведя их из непрерывных боев в крайне неблагоприятной для нас обстановке.

Возвращаясь к разбираемому вопросу, я считаю, что нам положительно нет никакого расчета торопиться с обратным овладением этим районом.

Нам нужно, ведя активное наступление нашим правым флангом в повожские губернии, на нашем левом фланге ограничиться владением лишь той территорией, которая: 1) нам строго необходима для обеспеченного владения портами Черного моря, 2) была бы населена не слишком нам враждебным населением и 3) по своим размерам соответствовала бы нашим финансовым ресурсам. Такой территорией я считаю Херсонскую и Таврическую губернии с некоторыми добавками за счет Екатеринославской и Харьковской губерний.

Всё, что севернее этой территории, — нужно на некоторое время оставить в распоряжении большевиков. Все банды и большевики, в конце концов, так перегрызутся, что начнут присылать послов «принять их под Вашу высокую руку».

На основании этих соображений я думаю, что наша основная стратегия должна быть: а) бить большевиков во что бы то ни стало на нашем правом фланге, а 2)³⁴ в центре и на левом фланге занять только фронт, заранее точно намеченный, и приступить к организации и упорядочению тыла во всех отношениях; при этом всячески избегать расширения территории в ущерб прочному наведению на ней порядка.

В этой тыловой территории немедленно приступить: а) к упорядочению транспорта и в особенности к спешному ремонту паровозов, вагонов и заготовке топлива, б) к формированию новых войсковых частей (см. п.)

³⁴ Так в документе.

и в) формированию госуд[арственной] стражи для губерний, которые будут намечены к овладению в течение ближайшего полугодия.

В такой позе застыть, постоянно беспокоя противника набегам, нападениями, рейдами в тылу и проч[им], и в это время настойчиво работать над созданием порядка и сносной жизни в тылу.

Только тогда, когда задача будет выполнена, идти на расширение этой территории до следующего заранее намеченного рубежа с такою же остановкою и повторением уже проделанной работы.

Другого способа для упорядочения работы тыла я не вижу.

Если эту систему выдержать, то я не сомневаюсь, что все наши мобилизации, формирования и проч[ее] пойдут гораздо планомернее и дадут нам возможность иметь всегда свежие резервы в тылу.

Без последних наши операции всегда будут носить характер движения «на ура» и всегда неизбежно будут вызывать полное неустройство в нашем тылу.

Устройство тыла требует гораздо большего времени, чем отнятие территории от большевиков. С этим необходимо считаться и соответственно с этим вести наши операции.

Если бы в указанных выше отраслях управления мы сумели в ближайшее время приступить к настойчивой работе, то, полагаю, что к весне наше положение значительно окрепло бы и дало бы возможность начать то планомерное продвижение, о котором я говорил выше.

Без этого операции 1920 года рискуют повторить то, что случилось теперь.

Необходимо постоянно иметь ввиду, что по мере того, как наша территория будет увеличиваться, у противника она будет уменьшаться, а с этим у них всегда будет возможность выделять части в резерв в то время, когда у нас, наоборот, резервы будут расходоваться на увеличение фронта и на охрану громадной территории.

Этой беде можно помочь только постоянными новыми формированиями в тылу, на замену уходящих на фронт или на тыловые надобности.

Есть мнение, что нужно расположить к себе население нашей «внутренней политикой».

Это по нынешним временам средство столь деликатное, что на него никого не поймашь. Все хотят одного: «обеспечь мою жизнь и имущество и создай мне покойную жизнь». Полит[ические] декларации окончательно потеряли всякий кредит.

На днях мне один стрелочник на станции Бобринской, казак соседнего села, сказал: «Так много “всяких начальств” было, так много обещали, что если бы сам Господь Бог пришел на село, то и ему никто [бы] не поверил!»

В противовес многим я полагаю, что и аграрный закон нам много не поможет, пока мы не покончим с грабежами и не создадим сильной дисциплинированной армии и хорошей администрации. Направление же политики — ныне дело совершенно второстепенное. Народ же ею совершенно не интересуется.

Прошу извинить за длинное письмо, но считал необходимым договориться до конца. Положение слишком серьезное, чтобы не обдумать его всесторонне и не начать немедленно работать над исправлением наших грехов³⁵.

*Архив Гуверовского института
(Hoover Institution Archives).
P.A. Koussonsky collection.
Box 10. Folder 41.
Подлинник. Автограф.*

Литература

1. Ганин А.В. «Мозг армии» в период «Русской Смуты»: Статьи и документы. М.: Русский путь, 2013.
2. Карпов Н.Д. Крестоносцы — последний резерв Колчака. М.: Русская панорама, 2014.

References

1. Ganin, A.V., 2013. “*Mozg armii*” v period “*Russkoi Smuty*”: *Stat’i i dokumenty* [“The brain of the army” in the period of “Russian Turmoil”]. Moscow: Russkii put’.
2. Karpov, N.D., 2014. *Krestonostsy — poslednii rezerv Kolchaka*. [Crusaders – Kolchak’s last reserve]. Moscow: Russkaia panorama.

³⁵ Окончание письма отсутствует.